

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Город зловещей ТИШИНЫ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Город зловещей тишины

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Город зловещей тишины / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2023 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-189842-7

В одном из областных центров произошло ЧП – покончил жизнь самоубийством полицейский чиновник. Расследование происшествия поручено полковникам МВД Гурову и Крячко. Чтобы собрать наиболее объективную информацию, оперативники решают действовать порознь: Крячко – как официальный представитель, Гуров – как частное лицо. Тактика дает свои результаты. Удастся выяснить, что внешне спокойный город давно стал центром наркотрафика. Руководит потоками смертельного товара и подборкой надежных исполнителей верхушка местного УВД. Похоже, покойный чиновник чем-то не угодил мафии... Гуров понял, что напал на верный след, как только его группа подверглась смертельной опасности... В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189842-7

© Леонов Н. И., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Леонов, Алексей Макеев

Город зловещей тишины

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Город зловещей

ТИШИНЫ

МОСКВА

2023

Глава 1

Каждый раз к концу рабочего дня, если уж так получалось, что срочных выездов не было, полковник полиции Лев Иванович Гуров ощущал самую настоящую человеческую усталость. Тяжелую, с эхом внутри головы и, пожалуй, даже с некоторым грузом чувства вины перед теми, кто провел день не как он, а с пользой. Таких дней у Гурова за все время работы в полиции накопилось, дай бог, с месяц-полтора. Не больше. Но привыкнуть к тому, что руки, ноги и мозг вынуждены работать на минимуме, он так и не смог. Ничто и никто не смогли бы убедить Гурова в том, что и в его родном кабинете тоже существует жизнь, только в виде печатных листов, толстых картонных папок с лохматыми уголками и тонны компьютерных файлов, а протирание штанов в течение суток или двух выглядит вовсе не бессмысленно, потому что активность всегда сменяет покой и наоборот. Таков жизненный цикл, такова природа бытия, и с этим ничего не поделаешь. Иными словами, все эти передышки Гуров редко переживал с удовольствием, стараясь побыстрее закончить с документами и вырваться на свободу. В самом начале своей работы в уголовном розыске он даже пытался бунтовать, но, дважды наткнувшись на тяжелый взгляд своего начальника Петра Николаевича Орлова, перестал и думать о том, чтобы просить отправить его по одному из вызовов, в огромном количестве поступавших в дежурную часть ГУВД, – уж больно неважно чувствовала себя после таких просьб Льва Ивановича душа.

– И не проси, – предупредил Орлов, зайдя на пороге своего кабинета бледную тень с лицом Гурова. – Ты с текучкой закончил? Нет? А Крячко? Нет? Так чего вы от меня хотите? Набегаешься еще, а пока что сиди и оформляй документацию. Это тоже, знаешь, важно.

По молодости лет Гуров легко мог не спать ночами, жить на паре бутербродов в день и работать на износ, абсолютно без каких-либо для себя последствий. Но со временем ему пришлось притормозить и поумнеть, экономя силы и не разбрасываясь по мелочам. Правда, возню с бумагами он так и не полюбил.

Вот и сегодня, во вторник, почти в середине трудовой недели, когда делать было совершенно нечего, потому что они со Стасом только что благополучно отчитались перед генерал-майором Орловым, а новых преступлений по их душу пока что не нашлось, Гуров откровенно скучал под мерный шелест бумажных документов. Чая за день было выпито немало, новостная лента, просматриваемая во время перерыва, пестрела всякой ерундой, и даже курить не хотелось.

– Ужас, – поднял Гуров взгляд на Стаса. – И как только наша канцелярия живет во всем этом?

– Первый раз, что ли? – отозвался Стас.

– Да вот уже лет двадцать не могу привыкнуть к этой макулатуре.

– Спроси у Верочки, – посоветовал ему Стас. – Она тебе расскажет в подробностях все секреты канцелярского закулисья.

Секретарь Верочка который год обитала в предбаннике, откуда можно было попасть в кабинет к генерал-майору Орлову, давно уже являлась его неофициальным адъютантом, а еще негласным членом команды своего шефа, в которую, кроме нее, входили Крячко и Гуров. Именно Верочка «подносила патроны», когда сыщикам кровь из носа требовалось что-то важное и моментально: то им нужно было узнать о кадровой движухе в родной прокуратуре, то пробить индекс по месту жительства подозреваемого, то без запроса проникнуть в архив, чтобы поднять пыль с поверхностей толстых картонных папок, скрывающих под своими бежевыми обложками очень много удивительного компромата. Верочка всегда имела под рукой что-то, что приходилось кстати, будь то быстрый перекус, обезболивающее или зарядка для мобильного. Она поддерживала размер своих запасов ровно в том количестве, чтобы хватило на трех

взрослых мужиков, включая ее начальника. Кофе, который она готовила в старенькой кофеварке, подаренной ей Орловым на день рождения лет шесть назад, всегда был отменным, в меру обжигающим и имел идеальную абсолютную для всех крепость, за что Гуров уважал Верочку еще больше. Ко всему она умела набирать на клавиатуре текст с пулеметной скоростью и никогда не теряла документы, даже те, о которых ей было велено забыть и уничтожить за ненадобностью. Она хранила в памяти столько гигов информации, сколько Гуров не смог бы запомнить, даже если бы сильно постарался, но ведь этого от него и не требовалось, если рядом была Верочка.

– Мне кажется, Вера нашла свое место в этой жизни, – возразил Гуров. – Не находишь? Секретарями не становятся – ими рождаются.

– Не наоборот?

– Точно нет.

Стас поднял голову и осоловело посмотрел на Гурова. Перед ним на столе лежала разтерзанная папка, заваленная протоколами допросов.

– Это тебе до утра сидеть, – поморщился Гуров.

– У меня все под контролем.

– А был бы труп, то не сидели бы здесь, – кивнул Гуров на гору бумажек.

– Накаркаешь, – предупредил Стас.

– Дай-то бог, – мечтательно произнес Гуров. – Мне еще и сегодня вечером мучение предстоит. Умерла Машина наставница. Старейшая актриса театра с кучей званий, при жизни очень красивая женщина. Прощание будет проходить в театре, где она служила. Я, как ты догадываешься, тоже должен засветиться.

– Вечером? – удивился Стас. – Так уже вечер. В это время суток уже после поминок под столом валяются. Почему так поздно?

– Это не поминки, а вечер памяти, – пояснил Гуров. – Банкет и фуршет, прямо на сцене, как пожелала покойная.

– А она точно этого хотела?

– Теперь не спросишь.

– Поминки в зрительном зале? Впервые о таком слышу, – усмехнулся Стас.

– Потом опишу ощущения.

Гуров взглянул на часы и прикинул, что даже если бы и хотел помочь Стасу закончить дела, то все равно не успел бы. До окончания рабочего дня оставалось двадцать минут, а до начала мероприятия в театре нужно было успеть заскочить домой, забрать жену и галопом нестись в театр.

– Закончил, – объявил Стас и вывалился из-за стола. – Люблю свою работу, но после таких дней я чувствую себя как отбивная.

– О том я и говорю, – Гуров закрыл папку и отодвинул ее на край стола.

– А как звали ту актрису? – спросил Стас.

– Екатерина Верховцева. Не пытайся вспомнить, поскольку она чаще блистала на театральной сцене, чем на экране. Но зато дружила с актрисой Целиковской и в одном интервью упоминала о своем тайном романе с маршалом Жуковым.

– Об этих слышал, – согласно кивнул Стас. – Но звучит так, словно ты сплетни собираешь.

– И не говори.

Может быть, Екатерина Верховцева действительно имела связи, о которых Гуров говорил Стасу, но сам он предпочитал иметь на руках твердые доказательства, а таковых у него не было. Все, что Маша успела рассказать ему о наставнице, могло быть кем-то выдуманно, после чего разлетелось по закулисы и со временем обрело статус самой настоящей правды. Но нали-

чие большого количества людей уже в вестибюле заставило Гурова удостовериться в том, что покойницу уважали многие из медийных личностей и даже те, кто не имел отношения к искусству. У главного входа в здание театра то и дело останавливались дорогие авто, чтобы выпустить из своих кожаных салонов тех, кто пожелал помянуть усопшую. Автомобили двигались непрерывным потоком, и Гуров сначала попытался рассмотреть новые лица, но после бросил эту бесполезную затею, поскольку мало кого помнил по именам.

Они с Машей оставили свои пальто в раздевалке, и гардеробщик дядя Коля, узнав Гурова, даже пожал ему руку. Не так-то часто Маша приводила в театр мужа, но дядя Коля, как положено, запоминал каждого и причину, по которой тот появился.

– Давно не виделись, – улыбнулся он, протягивая Гурову номерок. – Не помните меня, наверно.

– Отчего же не помню? Очень даже помню, – ответил Гуров. – На премьере в прошлом месяце, а до того пару раз просил вас вызвать по срочному делу супругу с репетиции. В последний раз вы были простужены и пили чай с коньяком из серой керамической кружки.

– Опаньки! Действительно помнит! – радостно воскликнул дядя Коля. – Только коньяк я тогда не пил. Или пил? Не помню.

Гуров поймал хитрый взгляд гардеробщика и рассмеялся.

– Ну хорошо. Может, с коньяком я ошибся.

– Ну и память! – не унимался дядя Коля. – У вас на Петровке все такие?

Гуров что-то не помнил, чтобы говорил дяде Коле о своей работе. Как-то не сложилось. Поэтому он вопросительно посмотрел на Машу.

– А? – очнулась та. – Да, Лева, это я рассказала о том, что ты у меня работаешь в полиции. Все равно все уже знают.

– Ну тогда все в порядке. А то я уж подумал, что покатила дурная слава...

Со стороны входных дверей послышались громкие голоса. Гуров машинально обернулся, даже не представляя того, что увидит. Между тем приглашенные стали неожиданно резво расходиться в разные стороны, открывая неприглядную картину: один мужик преградил дорогу другому, державшему в руках букет белых роз, и попытался выпихнуть его на улицу, а второй, напротив, рвался в вестибюль всем телом. При этом он старался не уронить цветы, которые ему очень мешали. Он был одет в черный костюм-тройку, выглядел немного старше и тяжелее своего противника, но дело было не в его хорошей спортивной форме, а, наоборот, в ее отсутствии. Лет ему было примерно пятьдесят, и как бы он ни старался занять более выгодную позицию в потасовке, у него ничего не получалось. Достоинство отвечать на направленные против него действия ему мешали цветы, а еще он старался сохранить невозмутимый внешний вид, что являлось большой ошибкой с его стороны. В общем, выглядел он довольно комично. Другому же участнику то ли драки, то ли прелюдии к ней было на вид лет тридцать с небольшим, он и вел себя гораздо категоричнее. Ему удалось развернуть старшего лицом к выходу, а потом помочь ему покинуть здание, с силой толкнув в сторону дверей. При этом букет роз выпал из рук проигравшего, и по нему тотчас прошлась пара дорогих кожаных ботинок победителя.

На несколько секунд толпа затихла, наблюдая за неожиданным представлением, но едва стало понятно, что концерт окончен, все снова оживилось и вернулись к своим делам. Будто бы и не было ничего. Только несколько человек все еще наблюдали за тем, как исчезает в уличной темноте черная фигура. Гуров подумал, что за все время оба драчуна не произнесли ни слова, что показалось ему довольно странным.

Маша осмотрелась.

– Ну и куда он делся? Это же Андрюха Красников, а вот второго не могу узнать, впервые вижу, – с тревогой в голосе произнесла она, всматриваясь через окна на улицу.

– Кто из них Красников? – спросил Гуров.

– Красников вытолкнул другого, с розами.

– Значит, второго ты не знаешь?

– Нет. Пойдем отсюда, Лева. Если они устроили разборки в такой важный день, то им же хуже. А где охранники? Когда нужны, то никогда рядом нет. Дядь Коля, где охрана-то?

– Да я знать не знаю, – вытянул шею гардеробщик.

Гуров тоже не заметил поблизости никаких охранников. Маша быстрым шагом направилась в сторону лестницы, и он тут же поспешил следом.

– А номерок-то?.. – спохватился дядя Коля, но его уже никто не слышал. Тогда гардеробщик положил его под стол, к другим, про которые тоже кто-то не вспомнил вовремя.

Зрительный зал вопреки ожиданиям был не так уж и заполнен народом. Гуров удивленно обвел взглядом пространство, даже в сторону балкона посмотрел.

– А где все?

– Избранные наверняка собираются в кабинете худрука, – пояснила Маша. – Наши спонсоры, которые приехали только за тем, чтобы посветить фейсами и заодно протолкнуть кого-то из своих наследников либо в театральные вузы или сразу на сцену. Ты не удивляйся, Лева, сейчас искусство хорошо продается.

– Я думал, что у вас все более-менее честно, – признался Гуров.

– Временами так и есть. Кстати, Екатерина Александровна, которую мы будем вспоминать и поминать, ненавидела все это. Взятки, nepoтизм и прочее. Мне она никогда не говорила, что я здесь не к месту, а ведь мы познакомились еще в те времена, когда я только-только пришла в труппу. Ее мнение много для меня значило.

– Ты действительно талантлива, – подтвердил Гуров и обнял Машу за плечи. – И все-таки не понимаю. Столько людей было у входа... Насколько у вашего худрука большой кабинет?

– Многие вообще заехали на пару минут да за компанию, пожать руку начальству, а не вспомнить покойницу добрым словом. Смотри-ка, розы...

Белого, желтоватого и розоватого оттенков цветы были повсюду. Они лежали вдоль края сцены, от стены до стены, они стояли в высоких золотых вазах, выстроенных вдоль центрального прохода между рядами. И вазы, и черные атласные ленты, обвивающие их длинные вытянутые изгибы, выглядели, скорее, торжественно, нежели печально. Верхний свет в зале был приглушен, зато сцена сияла со всех сторон. Любой, кто сюда приходил, сразу же обращал внимание на стоявший в ее центре длинный стол, заставленный бутылками и блюдами с закусками. Дальнюю часть сцены закрывал темно-серый занавес, напоминавший проход в преисподнюю, если бы не портрет, закрепленный на самом верху. С него прямо в душу каждому смотрела интересная женщина лет шестидесяти с некогда идеальными чертами лица. Она, подобно Моне Лизе, с улыбкой смотрела на каждого входящего, из какого бы угла он ни появился.

Гуров следом за Машей двинулся к сцене. Кое-какие места в зале были уже заняты теми, кто прибыл раньше, и Маша здоровалась практически с каждым, раздавая кивки по обе стороны прохода. Гуров тоже изредка приветственно поднимал руку, поскольку в театре был не впервые и с некоторыми Машиними коллегами тоже уже был знаком.

– Иди одна, – остановил жену Гуров. – Я присяду куда-нибудь, на сцену подниматься не буду. Неудобно.

– Я понимаю. Возьму нам что-нибудь перекусить.

– Я ничего не хочу.

– А я буду. Послушай, Лева, – понизила голос Маша. – Ты тут из-за меня, мы оба это знаем. Но не будешь же ты сидеть с пустыми руками? Или будешь? Или уткнешься в телефон? На самом деле я пришла сюда именно для того, чтобы почтить память хорошего человека. Будь умничкой, возьми себя в руки и постарайся соответствовать. Ради меня.

– Да разве я отказываюсь? Я просто не хочу есть.

– Это после рабочего-то дня, когда ты дома сметаешь половину холодильника?

– Неправда.

Маша приподнялась на цыпочки, клюнула Гурова в щеку и заторопилась на сцену. Там, возле стола, уже начали появляться ее коллеги, некоторые сразу же приступали к делу, наполняя тарелки и разливая спиртное по бокалам.

Гуров, помешкав, выбрал местечко, откуда его будет почти не видно. Пятый ряд, левая сторона, третье от главного прохода место. Остальные, кто расположился в зрительном зале, сидели на почтительном расстоянии. Гуров счел выбранную локацию очень удобной.

Он сел в кресло, машинально вынул из кармана телефон, пробежался по новостям. Не то чтобы он не мог жить без интернета, но в ожидании Маши нужно было убить время. Не найдя ничего значительного и убрав телефон, Гуров принялся рассматривать портрет на занавесе. Как там ее звали? Екатерина Александровна? Красивой была даже в преклонном возрасте. Машка у него тоже красивая. И талантливая, и это уже общепризнанный факт.

Маша живо общалась со своими знакомыми, изредка поглядывая в сторону мужа. Гуров пытался получше рассмотреть тех, кто к ней подходил, но лица этих людей были ему незнакомы. Возможно, и виделись когда-то после спектакля, если он заезжал за женой, или на съемках, куда она его приглашала, или на приемах, куда она его тащила чуть ли не силой. Никто из ее знакомых не стал Гурову приятелем, никто после не передавал ему приветы, и спустя время Маше приходилось заново что-то объяснять о каждом, если вдруг о нем заходила речь.

– Ты же с тем режиссером о чем-то долго болтал, – напоминала она. – Неужели забыл?

– Да времени прошло уж сколько?

– Месяц. Или полтора. Не больше.

– Маш, я лица запоминаю, только когда работаю. А там мы с тобой отдыхали. Я просто старался казаться вежливым.

Но человека, который в данный момент подошел к Маше и приобнял ее за талию, Гуров определенно уже видел раньше. Причем недавно. Им был тот самый Красников, один из двух мужиков, устроивших в вестибюле театра бои без правил. И, кажется, с Машей их связывали близкие отношения. Красников наклонился к ее лицу и что-то прошептал на ухо. Она замерла, слушая его, а потом отрицательно качнула головой и указала на Гурова. Красников посмотрел в его сторону и тут же отвернулся. Гуров заметил, насколько стремительно он отклонился от Маши, но не ушел, а взял тарелку и стал накладывать на нее что-то из еды, но как-то суетливо, словно пытался отвлечь внимание от себя, недавно прикоснувшегося к чужой жене.

Маша не стала задерживаться. Вернулась к мужу с двумя пустыми пластиковыми стаканчиками и бутербродами с соленой рыбой.

– Ты выбрал хорошее место.

– Конечно, у меня же жена актриса. А стаканы для чего?

– Для коньяка.

– А коньяк где?

– Его сейчас принесут. Тот, на которого ты смотрел минуту назад. Очень мне твой взгляд понравился, Лева, поэтому решила, что вам надо познакомиться.

– Это тот самый, который тебя только что тискал на моих глазах? На кой он мне?

– Будь добр, Гуров, оставайся человеком, – Маша перегнулась через спинку кресла и коснулась губами щеки мужа. – Он был приятелем Екатерины Александровны, а она далеко не многим разрешала заходить в свою примерку. Андрей из тех, кто тесно с ней общался до самого последнего момента. Он и похороны в одиночку организовал, и деньги собирал, и договаривался о месте на кладбище. И он меня не тискал. Мы знакомы сто лет. Он нормальный парень.

– А со мной он драться не будет? Не знаю, чего от него теперь ожидать.

– А ты не напоминай ему об этом. Захочет – сам расскажет. Я у него ни о чем спрашивать не стала.

Гуров давно уже привык к тому, что если он оказывается рядом с Машей в ее окружении, то к ним непременно присоединится кто-то третий. Далеко не всегда эти люди оказывались приятными хотя бы в чем-то, но из уважения к жене он их терпел. Но на этот раз ему даже стало интересно познакомиться с человеком, который успел устроить потасовку на поминках. Андрей, значит. Ясно. Коньяк принесет, значит. Ну пусть принесет, Гуров не против.

До того как Красников спустился со сцены в зал, подошел к Гурову и пожал ему руку, Лев Иванович успел заметить, что тот после инцидента чувствует себя довольно-таки неплохо. Словно и не махал кулаками полчаса назад. Лицо чистое, никаких ссадин, а выражение на нем самое что ни на есть дружелюбное, но с тонким налетом вины. Легкая кожаная курточка тоже в порядке, нигде не порвана, не испачкана. Но на задиру Красников все же немного смахивал, и всему виной была его совершенно мальчишечья челка, достававшая чуть ли не до кончика носа, которую он то и дело отбрасывал с лица кивком. Челка после такого движения улетала в сторону его правого уха, но надолго там не задерживалась и снова сползала на лицо.

– Лев, – протянул руку Гуров.

– Андрей. Режиссер на свободном выгуле.

– И такие бывают? – делано удивился Гуров.

– Не привязан к одному месту, – объяснил Красников. – Работаю по контракту из любой точки мира. Сегодня я в Москве, завтра в Берлине, а послезавтра в Лондоне.

– Не увозите Марию Строеву в Берлин, – попросил Гуров. – Она немножко замужем все же.

Красников натянуто улыбнулся, но промолчал.

– А ничего, что ты коньяк с общего стола стащил? – шепотом спросила у него Маша. – Так можно?

– А почему ты шепчешь? Сегодня все можно, – ответил Красников. – А мне – тем более. Полный зал сочувствующих и у каждого в руке стакан, а ты мне выговариваешь?

– Не заводись.

Режиссер был на взводе, но старался справиться с собой. Гуров благоразумно сделал вид, что не слышал их с Машей легкую перепалку.

Они с Машей сели на один ряд впереди и устроились вполоборота к Гурову. Красников, не мешкая, деловито разлил коньяк по стаканчикам. Маша заботливо держала на весу тарелку с бутербродами. Выпили, традиционно не чокаясь.

– А я ее в последний год Катей называла, – вспомнила Маша, пристально глядя на огромный портрет Верховцевой. – Она сама меня об этом попросила. Было неудобно, я только два раза так к ней обратилась, а потом снова по имени и отчеству...

– А меня она Андрюшей звала, – добавил Красников. – Еще в институте начала, при всех, будто мы давно знакомы. Я боялся, что это так ко мне и приклеится, что запишут в ряды бластных, но пронесло. А вы, наверное, с ней не были знакомы? – Красников обернулся к Гурову.

– Нет, я только по рассказам жены, – ответил Гуров. – Да и то нечастым.

– Не довелось, да, – подтвердила Маша и вдруг пнула кулаком Красникова в плечо. – Что это ты там устроил на входе?

– А ты видела? Видела, да?! – мгновенно возбудился Красников.

– Все видели, – спокойно ответила Маша. – Кто это был и почему ты его выгонял?

Красников покосился в сторону Гурова, будто раздумывая, достоин ли тот доверия. Маша заметила этот взгляд.

– Здесь все свои, Красников, – заметила она. – Верь мне.

– Ладно, как бы там ни было, но я считаю, что этот мудила виноват в смерти Верховцевой, – понизил голос Красников. – И после этого он приперся сюда, чтобы выразить свои соболезнования, прикинь? Если бы у меня не было других дел, то, поверьте, мало бы ему не показалось. Хорошо, что ноги унес, падла.

– Но он хотя бы принес цветы, – заметил Гуров. – Не то чтобы я упрекал вас в том, что вы пришли с пустыми руками, но ваш противник, мне показалось, не имел в мыслях ничего дурного. И насчет цветов – вся сцена завалена именно розами. Ее любимые? Или просто традиция такая – провожать в последний путь актера, положив на сцену именно розы? А если, например, я принесу сирень или гладиолусы?

– По-моему, вы не понимаете... – начал Красников, но Маша его опередила.

– Мы вот с тобой тоже не принесли, – сказала она, пристально глядя на Гурова. – Но виноватой себя не считаю. Знаю я, куда потом эти цветы денут. Растащат по гримеркам и по домам.

– Именно поэтому и я не стал их покупать, – подхватил Красников. – А тот тип свои цветы пусть себе засунет...

– А почему вы решили, что тот мужчина виноват в смерти Екатерины Александровны? – перебил Гуров и отпил коньяк. – Заявление более чем серьезное. Доказать сможете?

Красников привстал, поднатужился, стянул куртку и бросил ее на спинку соседнего кресла. После выпитого ему явно стало жарко, а тема разговора добавляла определенный градус к возбуждению, и это не могло ускользнуть от внимания Гурова.

– Его имя Леонид Семенович Чернухин. Он адвокат, и довольно известный, – сказал Красников.

– А кто он? Откуда взялся? Что связывало его с Екатериной Александровной? – заинтересовалась Маша и взглянула на Гурова. – Лева, может, ты слышал его имя?

– Нет, но, возможно, вспомню, если наш знакомый продолжит, – Гуров многозначительно посмотрел на Красникова.

– В последнее время я близко общался с Верховцевой, поэтому невольно оказался в числе тех, кто был в курсе ее проблем, – пояснил он. – Если честно, она не со многими делилась, а уж помогали ей и вовсе единицы.

– И вы были в их числе?

– Разумеется.

Назревал конфликт, которого Гуров совсем не желал. Однако высокопарность так и сквозила в словах Красникова, и Гуров почему-то не смог себе отказать в удовольствии поддеть его. Поняв, что перебарщивает, он умолк, тем более что Маша успела бросить на него предупреждающий взгляд.

– Последние несколько месяцев мы редко общались, все больше по телефону, – не сводя взгляда с мужа, произнесла она. – Но съемки же, гастроли. Она все понимала. Сначала во Франции мы были две недели, потом понеслись с премьерой по городам и весям: Владивосток, Казань, Нижний Новгород, Питер. Ты помнишь, Лева, что меня почти два месяца в светлое время суток дома не бывало?

– Плюс три недели, когда ты моталась по бескрайним просторам разных стран, – быстро вставил Гуров. – И это только за последние полгода.

– Ты же все понимаешь! – быстро заморгала Маша. – Все эти приемы, интервью, репетиции. Но я сама ей звонила, верите, мужики? Она всегда была рада меня слышать и просила беречь себя. «Машенька, вас там хорошо кормят? В чемодане всегда должен быть вермишелевый суп в пакетике, чтобы, если не получится поесть нормально, можно было приготовить в номере гостиницы горяченькое!» Ей даже и в голову не приходило, что можно просто сходить в ресторан, ей казалось, что всегда необходимо иметь под рукой какой-то запас. Или вот еще: «Машуль, а в Болгарию случайно не поедешь? Расскажу тебе про пару столичных магазинчиков, где я крем брала. Привезешь мне баночку?» Не привезла я ей ничего. И уже не привезу.

Красников дернулся всем телом в сторону Маши.

– Мать, ну ты чего...

Он протянул руку к Машиному лицу и провел рукой по ее волосам, но только один раз, и сразу же убрал руку. Маша тут же полезла в сумку за бумажной салфеткой, а Красни-

кову дала подержать свой пустой стаканчик. Другой бы на месте Гурова поперхнулся от увиденного и нарисовал в мозге сто постельных сцен, но он, напротив, будто прозрел и увидел в жесте нового знакомого нечто другое. Жест этот был искренним, дружеским, успокаивающим, нисколько не наигранным и даже неловким. Сам же Красников таким образом выражал желание защитить и готовность подставить плечо. Ничего более тонкого и глубокомысленного его движение не скрывало – любовники так друг к другу не прикасаются, они бы, наоборот, постарались при Гурове держаться на расстоянии и демонстративно расселись бы по разным углам. И Гуров в глубине души выдохнул, потому что автоматически уже успел записать Красникова в соперники. Вообще-то Машу он почти ни к кому из ее коллег уже не ревновал, так как повода она не давала и зарекомендовала себя верной женой и отличным другом, поэтому сегодня будто бы снова вернулся в свою глупую юность.

– Верховцева вспоминала о тебе, когда мы встречались. Называла тебя крохотулечкой с большими глазами, – решил насыпать соль на рану Красников. – Да уж... Живешь себе, а потом...

На Машиных глазах выступили слезы.

– Так, хватит себя казнить, – приказал Маше Красников. – Не ты ее мучила, а другой человек.

– Чернухин, полагаю, – подсказал ему Гуров. – Интересно было бы послушать.

– Именно так, – подтвердил Красников. – Вы спрашивали, могу ли я доказать его причастность к ее смерти? Могу.

– Каким же образом он ее довел до могилы?

– Содрал все деньги с ее счетов, дал надежду, а потом еще и пытался к ней подкатить.

Но тут уж у него ничего не получилось.

Маша застыла, прижав салфетку к одному глазу.

– Ты шутишь?

Красников осмотрелся с видом великого заговорщика.

– Подставляйте свои стаканы. Я тут единственный, кто знает правду. Все, что вы услышите впоследствии, будет являться грязной сплетней.

Как ни странно, но Гуров даже почувствовал интерес к услышанному.

Коньяк тотчас был разлит снова. Маша наконец справилась со своим моральным самочувствием, и Красников, в очередной раз стряхнув с лица конскую челку, снова обвел тяжелым взглядом зал.

– Людей пришло мно-о-го, – заметил он. – Только далеко не все вернулись сюда, чтобы помянуть Верховцеву. А ведь многим из них она помогла встать на ноги. Устраивала их детей в вузы, занималась с ними дополнительно. Скользкие твари. Ладно, так можно до бесконечности... Теперь про Чернухина.

– Он адвокат, – напомнил Гуров.

– Известный, – уточнил Красников. – Лет десять назад даже вел свою передачу на телевидении, но недолго, и ее быстро прикрыли. Вроде бы не имела высоких рейтингов. Брался за самые сложные дела, выстраивал такие мощнейшие линии защиты, что после каждой его победы все стороны обвинения коллективно уходили в запой. О нем даже статью в каком-то журнале написали, где его назвали «феноменальной личностью».

– Ты про Екатерину Александровну не забудь, – подсказала Маша.

– Так я к этому и веду. С Верховцевой он познакомился не просто так, а по серьезной причине: ее племянник год назад попался на сбыте наркоты. Виталик его имя. Пацану тогда было двадцать три. Из родни осталась только одна тетка, бездетная вдова – наша Екатерина Александровна Верховцева. Она мне рассказывала, что он был единственным и поздним ребенком ее родной старшей сестры, что появился на свет исключительно благодаря сильному желанию женщины в возрасте пятидесяти лет стать матерью. Забеременела та мадам неизвестно от кого

и была счастлива в своем безумии. Разумеется, она меньше всего думала о том, что просто не успеет насладиться материнством в полной мере. Так оно и вышло. Верховцева тащила на себе и сестру, и ее сына, а когда сестры не стало, то заменила Виталику и мать, и отца, и спонсора. Он тогда только-только школу окончил. Верховцева помогала ему по мере сил и возможностей. Говорила, какой он хороший, что тоже ей вроде родного сына. Одна же кровь. Гордилась, когда поступил в институт, и переживала, когда бросил учебу и устроился официантом в некий крутой ресторан. Кажется, грузинский. Вообще-то Виталик метил в сторону кухни, вроде бы хорошо готовил и хотел пойти учеником к шеф-повару, но в ресторане об этом и слышать не хотели, потому что талант все-таки нужно подкреплять определенными знаниями, а Виталик учиться на кулинара не хотел. Потому просто подавал клиентам еду, но надежды просочиться на кухню не терял. И вдруг – опаньки! – полиция скручивает его на станции метро «Баррикадная» в тот момент, когда он передает какой-то девушке подозрительный сверток. Оказалось, что в свертке том почти килограмм метадона. А Виталик и ведать не ведал...

– Ну конечно, он не знал, что и кому отдает, – не выдержал Гуров. – Бедный Виталик.

– Лева! – взмолилась Маша. – Тебе-то откуда знать?

– Куда мне... – вздохнул Гуров. – Ладно, послушаем дальше.

Красников даже не взглянул на Гурова, но этого и не требовалось, чтобы понять, что ему тоже не понравилось замечание, брошенное вслед его рассказу.

– Верховцева, разумеется, не хотела, чтобы парень попал за решетку. Тем более что там вообще какая-то темная история была. Он наркотиками не увлекался, это подтвердили его знакомые и экспертиза. Но, как показывает практика, одно другому не мешает. Взяли его не за то, что он употреблял, а за сбыт.

– От восьми до пятнадцати лет, если в свертке действительно обнаружилось кило метадона, – сказал Гуров. – Сколько ему дали?

– Восемь лет и дали, – машинально ответил Красников. – А вы что же, имеете какое-то отношение к юриспруденции?

– Имею. Непосредственное. Уголовный кодекс знаю наизусть и с удовольствием цитирую его при каждом удобном случае. А если серьезно, то работаю следователем. Зря сказал?

Красников усмехнулся, потом зачем-то заглянул в свой стаканчик.

– Вроде бы и не обидели, а рассказывать расхотелось. Поймите правильно, но я родился в восьмидесятых годах прошлого века, а тогда вся страна перекраивалась, мы бунтовали по полной. Я был хулиганом и неплохо знаю вашу братию. Хороших людей там мало.

– Прекратите оба, – попросила Маша.

– Так вот, о племяннике... – продолжил Красников. – Я его лично не знал, но Верховцева была честна со мной. Я не придумываю, мне не показалось. Она могла поругать его, видела его недостатки, но тут... Нет, она так и не поверила в то, что он связался с наркотиками. И я не поверил. Что-то здесь нечисто.

– Жаль парня, – согласился Гуров. – Если чисто по-человечески, то жаль. И его, и Екатерину Александровну. Но насчет количества хороших людей в полиции вы, наверное, неправы. Просто их не видно и не слышно, но они круглосуточно выполняют свою работу и делают это прекрасно. Я старше вас, но если мы живем в одной эпохе, то вынужден согласиться: время тогда было сложное, в наших рядах тоже творилось черт знает что. Поэтому давайте остановимся на том, что я вас понимаю. Пойдет? Повторюсь: парня жаль.

Наверное, меньше всего Красников ожидал услышать слова полицейского о том, что ему жаль преступника, но Гуров совсем не кривил душой, которая за годы его непростой работы, в том числе и в психологическом плане, все еще отказывалась каменеть. Как он ни старался, но так и не смог равнодушно смотреть в глаза родным и близким, которые действительно не знали о том, что происходит. А таких незнающих встретилось Гурову ой как немало. Была среди них и беременная жена серийного убийцы, упавшая перед Гуровым на колени,

и вежливый совершенно седой отец избалованной дочери-студентки, которая по пьяни придушила подругу, и простодушный парень с размерами Арнольда Шварценеггера, которого пыталась отравить любимая жена, возжелавшая заполучить его квадратные метры, и еще матери, бабушки, дети и даже старая овчарка, бросившаяся на Стаса Крячко во время задержания ее хозяина, ради выкупа похитившего у своего начальника тринадцатилетнюю дочь. Все эти люди вместе с собакой искренне любили своих родных и, как показывало потом следствие, знать не знали, что сами ходят по краю лезвия. Кто-то, узнав правду, не хотел сначала в это верить, даже пытался отбить задержанного, как та овчарка, но всем им в конечном счете пришлось смириться и жить в новой и довольно страшной реальности. Однако и среди преступников находились те, кто преступил закон не от большого ума, а, наоборот, из-за того, что ум был придавлен величайшими фальшивыми перспективами, ведущими напрямик за решетку. Многие решались пойти на «дело» именно из-за денег, и Гуров примерно представлял себе внука покойной Верховцевой. Обласканный, ни в чем не знающий отказа, зацелованный до смерти, но почему-то не думающий о том, что когда-нибудь его тетя навеки оставит его одного. Вряд ли он начал торговать наркотиками ради прибыли. Скорее, захотелось острых ощущений. Но на девяносто процентов и сам уже был в числе наркоманов или вот-вот был готов начать. Именно таких дураков и жалел Гуров. Правда, недолго.

– Думал, что в полиции живых людей уже не осталось, – Красников потер пальцем правый глаз.

– Приму за комплимент, – слегка поклонился Гуров.

Маша с благодарностью посмотрела на мужа и вдруг вскинула руку, увидев кого-то за спиной Гурова.

– Катя! Катя, сюда!

– О, это Ветрова, что ли? – Тут же вывернул шею Красников. – И правда, она. Совсем не узнать. Кать, иди сюда.

Маша повернулась к мужу.

– Лева, прости, я ее не видела целую вечность, – виновато улыбнулась Маша.

Гуров обернулся. К ним приближалась высокая стройная девушка в черной водолазке. На Гурова она уже издалека смотрела с вопросительной улыбкой.

– А где здесь можно покурить? – резко поднялся Гуров. – Кажется, раньше можно было как-то попасть на улицу не через главный вход. Не укажете дорогу? Я помнил, но забыл.

Курить разрешалось только за пределами здания театра, о чем Гуров вспомнил сразу же после того, как спросил. Он не так часто бывал за кулисами, но запомнил путь к служебному входу. Туда он и отправился в полном одиночестве – ни Маша, ни Красников и не думали о том, чтобы составить ему компанию.

Служебный вход вывел Гурова в узкий переулок, по всей длине уставленный машинами. Очевидно, это был транспорт работников театра. По правую руку гудел плотный транспортный поток, забивший многополосную проезжую часть; изредка мимо проходили люди, которые даже не поворачивали головы в сторону переулочка. Местечко это, несмотря на близость туристических троп, казалось надежно скрытым от посторонних глаз, но поклонники, которых в этот час рядом не наблюдалось, наверняка прекрасно знали об этой локации.

Гуров вынул пачку сигарет и замялся в поисках зажигалки, шаря по карманам. При нем ее не оказалось, и он даже расстроился по этому поводу. Выпитый коньяк не давал замерзнуть на нешуточном ветру, но Гуров все же поражался резкому похолоданию.

– Двадцать седьмое ноября, – вслух произнес он. – А такое ощущение, что середина января...

Ему хотелось, чтобы действие поскорее закончилось и можно было убраться домой, спокойно обнять жену и уснуть под теплым одеялом, но было понятно, что в театре и не думают

прикрывать поминки. Маша и Красников, будь он неладен, наверняка обсуждают последние сплетни, и отсутствие Гурова им только на руку. Впрочем, он даже с некоторым облегчением оставил их одних. Он все равно не знает их общих знакомых и не варится в их среде.

Слева что-то вспыхнуло и тут же погасло, будто бы зажглась и тут же потухла неяркая лампочка. Но Гуров успел заметить, что свет исходил из салона одной из припаркованных в переулке машин. Из самой первой в стройном ряду. Это был новенький «Фольксваген Поло», с кузовом густого синего цвета, на крыше которого медленно шевелились волны света от уличных фонарей.

Гуров тотчас направился в ту сторону. Он хотел разжиться огоньком и принял свет в салоне машины как знак судьбы. Подойдя к окошку, он нагнулся и заглянул внутрь. В этот момент стекло опустилось, и Гуров увидел бледное мужское лицо. Надо лбом блеснули стекла обычных очков для зрения.

– Вороне бог послал кусочек сыра, – радостно объявил Гуров, ежась на ветру. – Прикурить не найдется?

Глава 2

Водитель отвернулся, потянулся к соседнему сиденью, и Гуров увидел букет цветов в прозрачной хрустящей упаковке. Цветы мужчина аккуратно переложил на заднее сиденье, под ними оказалась черная барсетка. Из нее-то и появилось то, чего так не хватало Гурову для полного счастья, – недорогая зажигалка в сером пластмассовом корпусе, которую можно было приобрести в любом магазине.

Гуров прикурил, но зажигалку возвращать не спешил. Мужчина вопросительно посмотрел на него.

– Вы в порядке? – спросил Гуров, выдохнув сигаретный дым.

– В каком смысле? – глухо спросил мужчина.

– Вам недавно бока намяли. На вашем месте любой другой уехал бы отсюда, а вы вот не стали. Ждете обидчика, чтобы поговорить с ним наедине?

Дверца машины приоткрылась, но Гуров был к этому готов и сделал быстрый шаг назад, так что его не задело. Но резкого ответа на свои слова он не ждал, поскольку уже понял, что человек, с которым он разговаривает, скорее, находится в подавленном состоянии, нежели жаждет возмездия. Вон как спокойно с букетом обращался, будто с какой-то драгоценностью.

Человек, вышедший из салона, теперь стоял напротив Гурова. Они были одного роста и даже, пожалуй, в одном весе. И да, Гуров не обознался. Он запомнил его именно таким, каким видел в вестибюле театра: тот же черный костюм-тройка и уже знакомое лицо. Правда, в первый раз он казался более неповоротливым, чем сейчас, и дело было, скорее всего, в том, что ему пришлось отвечать на неожиданное нападение. Мало кто бы не растерялся в его случае. Да еще этот букет.

– Вы кто? – спокойным тоном поинтересовался мужчина.

– Моя жена здесь работает, – и Гуров кивком указал на стену позади себя. – Так вы в порядке или нет? Чернухин Леонид Семенович, если не ошибаюсь? Адвокат?

После этих слов он протянул мужчине зажигалку. Тот молча сунул ее в карман и внезапно повернулся к машине.

– Всего доброго, – бросил он через плечо.

Что-то зацепило Гурова в этом человеке. Чернухину только что напомнили о его публичном позоре, а он на это вообще никак не отреагировал, хоть и мог бы. «Трусит? Нет, не то, – быстро оценил Гуров. – Нескандальный. Иначе бы ответил на мои слова не молчанием, а как-то иначе. Но он не стал этого делать. Нежелание что-либо объяснять не всегда означает побег от проблем. Иногда это признак хорошего воспитания и наличия стальных нервов».

На дороге просигналила машина, и Чернухин машинально повернул голову на звук. Краем глаза заметил, что Гуров не уходит, и снова развернулся к нему всем корпусом.

– Мы не знакомы, – утвердительно произнес он. – Я бы запомнил.

– Не сомневаюсь, – подтвердил Гуров.

– Не знаю, кто вы и откуда меня знаете, – торопливо заговорил Чернухин и суетливо осмотрелся. – Я приехал почтить память человека, которого неплохо знал, но мне не дали этого сделать.

– Я видел.

– Что ж... У меня просьба.

– Слушаю вас.

– Передайте ей мои цветы. Она любила именно белые розы.

– А сами не хотите это сделать? – спросил Гуров. – Могу показать другую дорогу к сцене.

– Нет, не хочу.

Гуров замешкался. Ситуация складывалась неловкой, но если смотреть на нее со стороны, то ничего предосудительного в просьбе адвоката он не увидел. Тем не менее Красников обвинил Чернухина в смерти актрисы, но можно ли верить словам того, кто решает проблемы кулаками? Такие, как это часто бывает, склонны к принятию быстрых и необдуманных решений, не имеющих под собой веских оснований.

– Давайте ваш букет, – поежился он.

Чернухин нырнул в салон и достал цветы. Оказалось, что стебли цветов сломаны, а через прозрачную оберточную бумагу можно было наблюдать несколько оторванных, видимо, во время перепалки, белых лепестков. Чернухин перевернул букет вверх ногами, слегка потряс им, и лепестки благополучно упали ему под ноги.

– Прямо в таком виде и возложите, – попросил он.

Гуров взял в руку протянутый ему букет. В этот момент мимо переулка по тротуару проходила пожилая женщина. Заметив момент передачи букета, она оторопело остановилась на месте. Гуров, подождав, салютовал ей сигаретой.

– Тьфу! – выругалась женщина.

– И вам добрый вечер, – слегка поклонился Гуров.

Женщина ушла. Гуров на миг закатил глаза.

– Все видят только то, что хотят, – тихо произнес Чернухин. – Со мной вышла та же история.

– А вы не находите странным, что откровенничаете с тем, кого впервые видите? – прищурился Гуров.

– Нет, не нахожу, – все тем же ровным тоном ответил адвокат. – Вы лицо постороннее, в том-то все и дело. Я не хотел приезжать, но пересилил себя. Екатерина Александровна была моим другом. Я помогал ей, защищал ее, но мои действия были не так понятны. И кем?..

– Кем?

– Тот тип, который вдруг решил, что он имеет право решать, кому можно с ней проститься, а кому нет, не так-то и прост.

– Увольте, – попросил Гуров. – Только без сплетен, можно?

– Да какие тут сплетни, – дернул головой Чернухин. – Все уже давно всё за других решили. Жестокие люди в страшном мире. Непонятно только, кто кого испортил: мир людей нагнул или наоборот. Вот и мне досталось. Но, знаете, я буду выше этого. Я не пойду снимать побои, а они есть. Здесь темновато, но у меня разбита губа и, кажется, завтра созреет фингал под глазом. Я мог бы заявить на него в полицию, мог бы вообще весь театр засудить, но я не стану этого делать. А все потому, что Екатерина Александровна меня бы отговорила. Она терпеть не могла склоки и скандалы.

Гуров мог слушать вечно, но сильно замерз. Куртку он оставил в театре. Та исповедь, которая неожиданно обрушилась на него, была сейчас совсем не кстати, но развернуться и уйти он тоже не мог, потому просто надеялся на ее скорейшее завершение.

Чернухин тоже не собирался долго разглагольствовать. Помолчав, он протянул Гурову руку.

– Еще раз благодарю вас за содействие. И за понимание.

Гуров взглянул на букет.

– Положу на сцену, – пообещал он.

– Вы уж не обманите. Всего доброго.

Он сел в машину, а Гуров заторопился прочь. Возле двери он обернулся – Чернухин завел-таки мотор, явно собираясь уезжать.

«Значит, не будет больше тут сидеть и страдать», – решил Гуров и заторопился в тепло.

Компания между тем мило проводила время и без Гурова. Новая знакомая оказалась актрисой из Питера, приехавшей в Москву на съемки. Гурову она понравилась – вся такая мягкая, не напористая, не громкая, какими часто оказываются люди искусства, старающиеся произвести впечатление. С Верховцевой она была знакома мало, но получила незадолго до ее кончины ценный подарок: та отметила качественную игру молодой актрисы и пожелала ей удачи на актерском поприще, причем сказала ей это лично на съемочной площадке, где исполнила свою последнюю роль в кино.

С появлением Кати Красников расцвел. То ли под парами коньяка, то ли от присутствия на горизонте симпатичной молодой женщины, но теперь он неуловимо преобразился во всем, включая манеру речи. Он то выкатывал грудь, то принимал расслабленную позу, всячески себя демонстрируя. Но тем не менее про Верховцеву не забыли. То Маша, то Красников нет-нет, но разворачивали разные темы разговора в сторону воспоминаний о покойной Екатерине Александровне.

Домой засобирались примерно через полчаса. Выходя из зрительного зала, Гуров не удержался и взглянул в сторону сцены, где за столом уже сидели какие-то люди, а высокий худой парень в оранжевой рубашке мялся перед микрофоном, что-то бубня об обещаниях, скромности и преданности. Его слушали вполуха, а сама Верховцева взирала на все так же в самой глубине сцены, совсем близко к занавесу, на складках которого покоился одинокий букет в прозрачной оберточной бумаге. Стебли роз были сломаны, а сами цветы выглядели довольно потрепанными.

Гуров сдержал свое обещание.

Генерал-майор Петр Николаевич Орлов с самого утра чувствовал себя неважно. Он покашливал, иногда ощущал легкий озноб, а головная боль и вовсе не отпускала с прошлого вечера. «Не дай бог, – хмуро подумал Орлов, снимая трубку телефона. – И ведь в прошлом году примерно в то же время заболел, кажется. Да что ж такое...»

– Вера, Гурова ко мне, – приказал он Верочке. – Если Крячко на месте, то и его тоже.

– Сделаю, Петр Николаевич.

– А чайник горячий?

– Кофе или чай?

– Чай, Вера. Спасибо.

Орлов положил трубку и прислушался к себе. Разумеется, никаких перемен к лучшему в своем самочувствии он не ощутил. Мелькнула мысль о том, что, может, если забыть о недомогании и загрузить себя работой, то хворь пройдет сама собой. Он подвинул к себе лист бумаги, полученный в «дежурке». Перечитал, осмыслил. Перечитал снова.

Вера вошла в кабинет вместе с Гуровым и Крячко. Обошла их быстрым шагом и заботливо поставила перед Орловым большую кружку с горячим чаем.

– Больше ничего не нужно?

– Нет-нет. Благодарю.

Вера исчезла, тихо прикрыв за собой дверь.

– Плохо выглядишь, – констатировал Гуров, бросив на Орлова веселый взгляд.

– И тебя с добрым утром, – тут же отозвался Орлов. – Пришли оба – это хорошо.

Стас и Гуров расселись по обе руки от Орлова.

– Читайте. – Орлов протянул сводку Гурову.

После прочтения первых строчек Гуров напрягся.

– Как интересно, – произнес он, протягивая бумагу Стасу. – Посмотри-ка.

– Как всегда. – Орлов прикоснулся к краю кружки и, обжегшись, тут же убрал руку. –

Что там тебе интересно, Лев Иванович?

– Я только вчера с ним беседовал, – ответил Гуров. – Интересное совпадение.

– Знакомый?

– Я бы не сказал. Столкнулись случайно и перебросились парой слов.

– Адвокат Чернухин Леонид Семенович, 1966 года рождения. Знакомое имя, мелькало где-то, но теперь, конечно, уже и не вспомню, – пробормотал Стас. – Ножевое в область сердца. Найдена предсмертная записка.

– Да я бы не сказал, что он собирался покончить с собой, – вспомнил Гуров. – Во всяком случае, никакой обреченности в нем не чувствовалось. Конечно, нельзя быть ни в чем уверенным. Может, после нашей встречи у него еще что-то случилось.

– Ты не мог бы выразаться яснее? – вскинул голову Орлов. – Не говори загадками.

– Извини, Петр Николаевич. Ты прав, – очнулся Гуров. – Вчера мы с женой были в театре на поминках актрисы Верховцевой, и Чернухин тоже хотел присутствовать, но ему не дали этого сделать. Прямо на пороге с ним завязал драку Андрей Красников, который косвенно обвиняет его в смерти Верховцевой. Та еще была картина, признаюсь. Чернухин в итоге с позором удалился, а вот с Красниковым я позже поговорил. Крайне несдержанный кадр. Где-то минут через сорок я вышел покурить на задний двор театра, где заметил в одной из припаркованных машин Чернухина. Он попросил меня отнести на сцену букет цветов, поскольку сам в театре появляться не планировал. Ну я и отнес. До этого мы перебросились парой слов, и мне он показался приличным человеком, не желающим развивать конфликт. Спокойный и вежливый даже после произошедшего. Конечно, он был расстроен, и я его понимаю – когда тебя на глазах у публики мутузит какой-то псих, то на выбор только два варианта развития событий: либо ты даешь отпор, либо уходишь. Так вот, Чернухин предпочел уйти. Кстати, он успел пожаловаться на то, что после инцидента его лицо уже не будет выглядеть прежним. Якобы Красников разбил ему губу и подарил синяк под глазом. Так что эти отметины тоже должны быть на трупе.

Стас хрустнул костяшками пальцев, с интересом глядя на Гурова.

– Какая увлекательная у тебя жизнь, Лев Иванович, – с уважением протянул он.

– Теперь ты понимаешь мое удивление? – бросил через плечо Гуров.

– В следующий раз на поминки пойду вместе с вами.

Генерал-майор шумно отпил чай.

– Отправляйтесь на место происшествия, – отдышавшись, сказал он. – Точный адрес возьмете в дежурной части. В сводке все описано слишком скудно, а ты, Гуров, довольно интересные вещи рассказал. Труп Чернухина обнаружен в его собственной квартире всего полчаса назад. Самое раздолье для вас, пока шумиха в прессе не началась.

– Даже это можно ожидать?

– А что ты хочешь? К нему на прием записывались за несколько недель, – пояснил Орлов. – Знаменитым в наших кругах все же был. О нем в прокуратуре легенды ходят.

– Странно, почему я о нем ничего не слышал, – пожал плечами Гуров.

– Вспомнил! – Хлопнул ладонью по колену Стас. – Дело об убийстве в Измайлове. Этот Чернухин тогда к нам на Петровку приезжал. Ну же, вспоминай, Лева! Давно было, лет восемь или даже больше назад.

Гуров непонимающе захлопал ресницами.

– Не важно, – махнул рукой Стас. – Там убийцей семнадцатилетний пацан оказался... Ох, как он его вытаскивал – любо-дорого было смотреть! Судебный процесс долго обсуждали в интернете. Чернухин действительно был мастером своего дела. Измайлово, Лев! Труп же! Не помнишь? Ай...

Так и не сумев донести мысль, Стас в изумлении уставился на Гурова.

– Это был единственный труп за все время твоей работы в полиции? – невозмутимо поинтересовался Гуров. – Труп! Удивил так удивил.

– Такие чаще всего заканчивают плохо, – вставил Орлов. – А суицид, как мы знаем...

– ...понятие растяжимое, – закончил Гуров и встал. – Ну что ж, тогда мы погнали. И ты бы, Петр Николаевич, шел домой. Плохо выглядишь.

– Слышал уже, – ответил Орлов. – Если что, то я на связи.

– И днем, и ночью. Помним.

Ожидалось, что по указанному адресу будет располагаться как минимум элитный жилой комплекс, но на деле оказалось все иначе. Вместо жилья, отделанного с крутизной, сыщики увидели шестнадцатиэтажный блочный дом, каких по стране найдутся тысячи. Сам дом был старым, и жильцы уже не особенно следили за эстетикой наполнения лоджий и балконов, на которых виднелись и старые лыжи, и белье, сушившееся на веревках, и остатки высохшего летнего гербария, свисающие с балконных перил. Возле подъезда никого не было, но неподалеку, рядом с кустами жасмина, торчал паренек с круглой черной собачкой на поводке. На Гурова и Крячко он смотрел очень внимательно, будто бы ждал их появления.

– Орлов боялся, что пресса прибудет, а тут нас даже никто из своих не встретил, – заметил Стас, обходя свою машину, на которой они с Гуровым прибыли на место происшествия.

– В дежурной части предупредили, что нас участковый встретит. Наверное, ждет в квартире. Какой там этаж?

– Второй.

– Низковато проживал наш адвокат.

– Куда ж выше-то? Звезд с неба нахватал, да и хватит.

Они без труда зашли в подъезд, дверь которого удерживал в приоткрытом состоянии увесистый булыжник. Экран домофона отливал чернотой, и Гуров, хмыкнув, несколько раз нажал пальцем на кнопки, проверяя исправность домофона, но тот на его усилия, разумеется, никак не отреагировал.

– Сломан же, – донеслось со стороны жасминовых кустов.

Стас обернулся на голос паренька, выгуливавшего собачку.

– Непорядок, – сказал Стас.

– Дольше двух дней не выдерживает. Ломают, – приближаясь, ответил парень. – Тут рядом алкаши тусят, а в дом по ночам греться приходят. Их никто из жильцов не пускает, вот они и ломают домофон, чтобы можно было проникнуть внутрь.

– А вы для них еще и дверь подъезда отворили, – усмехнулся Гуров.

– А это уже для нас. Она сама по себе захлопывается, и в дом уже не попасть, – пожал плечами парень.

– Вроде бы не край мира, но почему такие проблемы с домофоном в наше-то время?

– Не знаю. Какая-то нелепая фигня. Не ко мне вопрос. Знаю, что кто-то мастера хотел вызвать, но все равно ничего не изменилось.

За разговорами они пешком поднялись на второй этаж. Оказалось, что собеседник жил в левом этажном крыле, а квартира Чернухина располагалась в правом.

– Если что, то участковый со мной уже поговорил, – на прощание сказал парень. – Я в курсе того, что сосед умер.

– Ах вот оно что. То-то ты нас как дорогих гостей встречаешь, – догадался Гуров. – Ну тогда и я спрошу. Как долго ты здесь живешь?

– С рождения, – без запинки ответил парень. – Но соседей знаю только из своего крыла, а тех, что напротив, даже не всех и вспомню.

– Значит, имя Леонид Семенович Чернухин тебе ни о чем не говорит?

– Абсолютно.

– И никого подозрительного ты за последние сутки здесь не видел?

– Не-а. Я дома работаю, только с собакой и выхожу погулять.

Стас оказался прав – дверь сыщикам открыл взволнованный участковый. На вид ему было лет двадцать пять, и, похоже, он впервые оказался на месте преступления.

Однокомнатная квартира, в которой был обнаружен труп адвоката, поражала крошечными размерами. Надвое ее делила всего одна стена, по обе стороны которой располагались комната и кухня. Крошечная прихожая была настолько маленькой, что Гурову и Крячко пришлось заходить в квартиру по одному. Ремонт в жилище и не пахло, а кухонный гарнитур, впрочем, как и мебель в комнате были куплены еще в восьмидесятые годы прошлого века. Заходя в комнату, Гуров споткнулся о край выцветшего синтетического паласа.

Тело Леонида Семеновича Чернухина располагалось в самом центре комнаты, и оттого она, и без того малометражная, казалась еще меньше. Чернухин лежал на спине, широко раскинув руки и выставив вверх широкий подбородок. Глаза были закрыты, на лице навечно застыло то самое выражение, которое Гурову не раз приходилось видеть у мертвых людей. Никаких эмоций. Ни боли, ни страха, ни удивления. Будто выключили человека. Теперь, при свете, Гуров смог гораздо лучше рассмотреть его лицо с глубокими складками возле рта. И одежда на трупе была та же, что и прошлым вечером, включая черный костюм-тройку, белую рубашку и темно-серый галстук. Из груди Чернухина торчала рукоятка ножа. Самого лезвия не было видно, настолько глубоко оно ушло в грудь жертвы, заставив остановиться его сердце.

Участковый назвал свою фамилию – Петренко. Он нервничал, переступая с ноги на ногу, стоял в дверном проеме и не решался подойти к телу.

– Кто обнаружил труп? – спросил Гуров.

– Его знакомая, – с готовностью ответил Петренко. – Зовут Оксана Мирошникова, прописана в Москве. Работает в обычной больнице, медсестрой в гинекологическом отделении. Приехала к Чернухину сегодня утром, а тут, говорит, такое. Я мимо этого дома как раз на работу шел, она мне навстречу из подъезда и выскочила. Сказала, что случайно увидела из окна человека в форме и решила попросить помощи. Ее контакты я записал, не волнуйтесь.

– Отпустили?

– А что, задерживать? За что? Сказала, что ей тоже надо на работу. Утренняя смена, все дела. Назвала номер больницы и сказала, что будет там до утра следующего дня. Домашний адрес тоже оставила.

– Ничего странного в ее поведении не заметили?

Петренко уставился в потолок, нахмурился.

– Да нет, не заметил. Она быстро взяла себя в руки. Плакала, конечно. Боялась в комнату заходить. Я с ней поговорил, предупредил, что полиция с ней свяжется. Ответила, что все понимает. Не заметил я ничего странного.

– Зачем она приехала к Чернухину рано утром, не сказала?

– Сказала, что привезла ему какую-то еду. Она в холодильнике.

– Какая забота. Какие отношения связывали ее с жертвой?

– Я не спросил.

– А с соседями удалось поговорить?

– Да, но не со всеми. Кого-то попросту не застал. Тут соседка за стенкой, оказывается, Чернухина отлично знала. Вообще-то эта квартира досталась ему в наследство от матери, они здесь жили с ней вдвоем долгое время. После смерти матери Чернухин женился и переехал, а квартира все это время пустовала. Он не продал ее и никому не сдавал. Но примерно три месяца назад вдруг появился здесь с вещами. Соседке сказал, что его семейная жизнь развалилась, поэтому он все оставил жене и сыну, а сам вернулся сюда. Мирошникова сказала, что навещала его иногда.

– Просто навещала?

– Так точно. Хотя ключи у нее были, она ведь дверь сама открыла. Но она здесь не живет. Я бегло осмотрелся и не заметил ни одной женской вещи. Ни тапочек, ни цветастых прихваток

на кухне, ни каких-то мелочей типа расчесок или духов, которые любят оставлять девушки. Вы же тоже, наверное, заметили, что это абсолютно холостяцкая берлога. В холодильнике пусто, посуды минимум, а из еды только то, что принесла Мирошникова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.